

дования, так, на с. 241 приводятся примеры фонетического развития *st- > t-*; автор разделяет мнение тех исследователей, которые усматривают здесь эстонское влияние (наряду с балтийским подвижным *s-* феноменом и народной этимологией).

Очень хотелось бы верить, что Элга Кагайне найдет в себе силы и желание, а

также достаточно времени, чтобы продолжить изыскания в части прибалтийско-финского влияния на диалектный латышский язык, так как исследователь демонстрирует прекрасное знание метода и глубочайшее знание материала исследования.

ЛЕМБИТ ВАБА (Таллинн),

ИЛГА ЯНСОНЕ (Рига)

<https://doi.org/10.3176/lu.1994.1.12>

В. К. Кельмаков, Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов. Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук, Москва 1993.

14 декабря 1993 г. на заседании Специализированного совета Д 002.17.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте языкознания Российской Академии наук состоялась защита докторской диссертации В. К. Кельмакова (Удмуртский государственный университет) на вышеназванную тему. Официальными оппонентами выступили доктора филологических наук Е. А. Хелимский (Москва) и Д. В. Цыганкин (Саранск) и доктор педагогических наук Г. Н. Никольская (Москва), отзыв ведущей организации представила кафедра коми и финно-угорского языкознания Сыктывкарского государственного университета.

Присуждение автору ученой степени доктора филологических наук — безоговорочно правомерное и давно заслуженное формальное признание того вклада, который Валентин Кельмакович Кельмаков внес в изучение удмуртского языка, и того места, которое он занимает в финно-угроведении как достойнейший продолжатель богатых традиций пермского языкознания и как один из нынешних лидеров нашей научной дисциплины. В современном финно-угроведении автор пользуется авторитетом крупнейшего специалиста по удмуртской диалектологии и исторической фонетике удмуртского языка. Это обусловлено не только огромным количеством научных публикаций В. К. Кельмакова, его систематическим участием с докладами в важнейших конгрессах и

конференциях, но прежде всего — тем, что в его трудах достигнут максимальный уровень обобщения и осмысления исследовавшегося историко-диалектологического материала.

Основой для этого явилось осуществленное самим В. К. Кельмаковым и под его инициативным руководством широко-масштабное изучение удмуртских диалектов. На защиту были вынесены развернутые описания ряда особенно архаичных «периферийно-южных» и южных говоров — кукморского, татышлинского, кыркы-масских, два тома изданных им в 1981 и 1990 гг. «Образцов удмуртской речи» (произведения фольклора и повествовательные тексты на срединных и северных говорах), цикл работ по диалекту (языку, как он иногда квалифицируется) бесермян и его позиции среди удмуртских диалектов и ряд других диалектологических исследований и публикаций диалектных материалов первоочередной значимости (в том числе авторский сборник «Проблемы современной удмуртской диалектологии в исследованиях и материалах», вышедший в 1992 г. и уже прорецензированный на страницах данного журнала — LU XXIX, с. 159—161). В научном докладе смогли найти лишь частичное отражение та фундаментальность и насыщенность материалом, которые характерны для суммирующих публикаций В. К. Кельмакова по удмуртской диалектологии — в частности, для обстоятельной статьи «К вопросу о диалектном членении удмуртского язы-

ка» (Пермистика, 1987) и для публикаций в рамках проекта «Dialectologia Uralica». Немаловажно, что в решении классификационных вопросов автор, наряду с фонетическими критериями, которые — вполне естественно — оказываются в центре внимания в научном докладе, в полной мере опирается и на данные других языковых уровней, в том числе на лексико-семантические особенности диалектов и говоров. Исключительно полезным подспорьем для финно-угроведов, которым приходится иметь дело с удмуртским диалектным материалом из разных источников, служит составленная В. К. Кельмаковым схема соответствий между наименованиями и группировками диалектов в трудах Видемана, Аминоффа, Мункачи, Вихманна и современных авторов (Пермистика, с. 38—39).

Имея в виду дискуссионность проблемы и возможность разногласий, рецензенту хотелось бы полностью солидаризироваться с хронологической концепцией автора. Следуя традиционной и вполне реалистичной (с учетом, в первую очередь, данных болгарских заимствований) точке зрения, В. К. Кельмаков относит конец прапермского периода к IX в. н. э. — ср. делавшиеся в последние годы попытки неоправданно удревить собственно удмуртскую языковую историю. Кстати, и поправки к предлагавшимся ранее датировкам отдельных фонетических процессов, сделанные в работе на основе данных диалектологии, анализа заимствований и изучения письменных памятников, также нередко ориентированы на более поздние сроки. Ср. решение вопросов о переходе $*a(-) > -a(-)$ (по Ш. Чучу и Ф. Мольнару — XV/XVI вв., по В. К. Кельмакову — конец XVI или начало XVII в., с. 24—25), о диалектном развитии $j- > d'$ (по Т. И. Тепляшиной — X—XIII вв., по В. К. Кельмакову — не ранее XVII в., с. 42—43) и др.

Аналогичной сдержанностью и аргументированностью отличается подход В. К. Кельмакова к проблеме языка бесермян. Он не усматривает никаких бесспорных следов предполагавшегося древнебулгарского субстрата в комплексе фонетических особенностей данного удмуртского диалекта, видя его своеобразие в причудливом сочетании немногочисленных собственно бесермянских явлений с чер-

тами как северного (особенно в морфологии), так и южного (особенно в фонетике) наречий. Действительно, древнебулгарское суб-, супер- или адстратное влияние разумно предполагать для удмуртского языка в целом, относя его к эпохе до формирования современной сетки междиалектных различий.

Особенно интересны с точки зрения общей уралистики разыскания В. К. Кельмакова в области допермской и пермской предистории удмуртской диалектной фонетики, отраженные, в частности, в его пленарном докладе на последнем Международном конгрессе финно-угроведов в Дебрецене (см. CIFU VII 1A, с. 105—124). Одна из основных идей, развиваемых автором — ведущая роль отпадения конечных гласных основы как триггера радикальных преобразований фонетической системы и грамматического строя прапермского языка. Представляется, что эта идея может плодотворно эксплуатироваться и дальше, в частности — для объяснения известных аномалий в пермской рефлексации уральского вокализма первого слога как результатов умлаутного воздействия специфических гласных (или даже вокалических комплексов) непервых слогов, впоследствии утраченных и в силу этого неотличимых от «обычных» $*a/*\ddot{a}$ и $*e (*i/*\ddot{i})$. Быть может, удастся в дальнейшем пересмотреть с учетом вокализма конца основы и принятую реконструкцию прапермских гласных первого слога, производящую впечатление чересчур громоздкой и в синхронном прапермском срезе (14—15 единиц, согласно реконструкциям Э. Итконена, В. И. Лыткина, Р. Хармса), и с точки зрения диахронической выводимости (ср. построения П. Саммаллахти в книге «The Uralic Languages», Leiden e.a. 1988, с. 524—531; к сожалению, в своем научном докладе В. К. Кельмаков не упоминает и никак не комментирует этот интересный новый опыт решения проблем предистории пермского вокализма).

Среди целого ряда важных частных результатов В. К. Кельмакова в области удмуртской исторической фонетики можно выделить установление фонетической природы т.н. «второго о» в праудмуртском (гласный среднего ряда среднего подъема), убедительный анализ относи-

тельной хронологии важнейших сдвигов гласных, определение путей поздней фонологизации *ä* и *э* в части диалектов, уточнение закономерностей междиалектного соответствия *i/j* и ряда нетривиальных соответствий в сфере консонантизма. Фундаментальный характер имеет демонстрация совместного действия двух факторов — историко-фонетического (этимологического) и семантического — в формировании оппозиции двух огласовок possessивных и инструментального суффиксов имен (с *-e-* и с *-i-*) в ее современном виде. Выявленная тенденция к преобладанию *-i-*огласовок у имен со значением неотчуждаемой принадлежности прекрасно объясняет практически все отклонения от установленного ранее В. И. Лыткиным правила зависимости огласовки этих суффиксов от качества исходного (финно-угорского) ауслаутного гласного основы.

Высокой объяснительной силой обладает разработанная В. К. Кельмаковым концепция формирования удмуртской акцентуации: от фиксированного на первом слоге финно-угорского и прапермского ударения к позднепрапермскому свободному ударению и далее к фиксации на последнем слоге (под татарским влиянием) или перед некоторыми типами морфемных швов. Впрочем, один из аргументов в пользу реконструкции исходного инициального ударения вызывает возражения: гармония гласных типологически хорошо сочетается не только, как указывает автор (с. 31), с ударением на первом слоге, но и с конечным ударением или частично морфологизированным разноместным ударением (многие тюркские языки), ударением на предпоследнем слоге (нганасанский язык) и другими акцентуационными системами. Поэтому предполагаемую для прафинно-угорского состояния гармонию гласных трудно признать свидетельством о характере ударения в праязыке.

Рецензенту трудно согласиться с трактовкой всех случаев типа *kjɪd* 'отруби' — *kjɪd̥i* 'пустой колос, пустое зерно', *pjɪ* 'мякина' — *pjɪ̥* 'крошка', *vug* 'дужка ведра' — *vug̥* 'подуги (деталь телеги)' как «вариантов (с *-ы* и без него), восходящих к одной и той же праформе», которые «использованы, вне сомнения, для дифференциации значения» (с. 28; рядка — Е. Х.). Сомнения здесь были бы,

пожалуй, весьма уместны. Одновременность различий и в оформлении основ, и в семантике может указывать на то, что мы имеем дело с рефлексами однокоренных, но словообразовательно различных праформ. В частности, в связи с последней парой можно думать об оппозиции праформ типа **wajka* 'Griff' — **wajka-j* 'griffähnliches (Gerät)' (с уральским суффиксом **-j*, образующим адъективы с потенцией субстантивизации). Более того, налицо попарное этимологическое тождество (или по крайней мере словообразовательная близость) с такими формами, как эст. *vang*, *-a* 'рукоятка' и *vang*, *-i* 'зажим (напр., в [Wied.] *wajni-pü* 'hölzerne Klammer'); заключение, узник' (аналогично соотносится фин. *koppa* 'короб, кузов' и *koppi* 'конура, камера' и др.). Следует отметить, что трактовка однокоренных слов с исторически различными суффиксальным оформлением как «вариантов» — довольно распространенное в нашей дисциплине заблуждение, ср. подобный подход к хантыйской паре слов *jöŋk* 'лед' — *jijŋk* 'вода' (в действительности инновационное обозначение воды в хантыйском восходит к слову 'лед' с добавлением суффикса **-j/*-aj/*-i*, обусловившего перед своей утратой умлаутную перегласовку корневого гласного, т.е. 'вода' = 'ледяная; то, что получается при растапливании льда').

На страницах более чем пятидесяти трудов, опубликованных В. К. Кельмаковым только по теме рецензируемой работы, можно было бы найти повод для многих частных замечаний и поправок, для обсуждения в полемическом ключе (или же только в порядке гипотетической альтернативы) отдельных остающихся нерешенными вопросов пермской и удмуртской исторической фонетики. Это вполне естественно, ведь речь идет об огромном цикле исследований — огромном и по объему, и по охваченному материалу, и по глубине и значимости решенных и затронутых проблем. Но следует подчеркнуть, что рецензент не сумел выявить и не видит почвы для разногласий принципиального, концептуального характера, поскольку во всех своих работах В. К. Кельмаков строго следует важнейшим для диалектолога и компаративиста принципам. Полнота охвата языковых данных и безоговорочное уважение к ним, беспристрастный

объективизм, этимологическая строгость, устойчивая ориентация на поиск фонетических законов (с учетом, разумеется, тех особенностей, которые может налагать на их реализацию ситуация междиалектных контактов) — вот лишь некоторые существенные черты лингвистического стиля В. К. Кельмакова.

Полностью обоснованным и наиболее адекватным в данной ситуации явилось представление В. К. Кельмаковым диссертации в форме научного доклада, сжато резюмирующего результаты исследований и взгляды автора по всему комплексу вопросов фонетико-фонологического опи-

сания и классификации удмуртских диалектов, исторической фонетики удмуртского языка. Хочется, однако, выразить надежду, что в дальнейшем эти материалы и интерпретации, рассеянные по многочисленным публикациям, автор найдет возможность с достаточной подробностью изложить в нескольких фундаментальных монографиях (в частности, по удмуртской диалектологии и по исторической фонетике удмуртского языка). Коллеги-финно-угроведы и будущие поколения исследователей ждут от В. К. Кельмакова этих книг.

Е. А. ХЕЛИМСКИЙ (Москва)

Е. И. Мартынова, Состав и синтаксические функции инфинитных форм селькупского глагола. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Новосибирск 1993. 152 с.

Н. П. Гальцова, Морфологические средства выражения темпоральных отношений в селькупском языке (на материале тымского диалекта). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Новосибирск 1993. 168 с.

11 июня 1993 г. на заседании Специализированного совета К. 200.04.01. по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук при Институте филологии Сибирского отделения Российской академии наук состоялась защита двух кандидатских диссертаций — Елены Ивановны Мартыновой и Натальи Петровны Гальцовой.

Работа Е. И. Мартыновой «Состав и синтаксические функции инфинитных форм селькупского глагола» выполнена под научным руководством доктора филологических наук профессора М. И. Черемисиной. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор А. И. Кузнецова (Москва) и кандидат филологических наук Н. Г. Кузнецова (Томск). Работа Н. П. Гальцовой «Морфологические средства выражения темпоральных отношений в селькупском языке» сделана под руководством доктора филологических наук профессора Э. Г. Беккер и Н. Г. Кузнецовой. Официальными оппонентами были А. И. Кузнецова и кандидат

филологических наук доцент А. И. Кузьмина (Новосибирск).

Обе работы защищались по специальности 10.02.02. «Языки народов СНГ» и написаны по материалам селькупского языка, интерес к которому в последние десятилетия заметно возрос. Данный язык, особенно его южные диалекты, подвергшиеся вначале тюркизации, а затем русификации, в настоящее время можно рассматривать как вымирающий: разрушение и забвение селькупского языка зашло достаточно далеко, несмотря на все предпринимаемые сейчас попытки задержать процесс его исчезновения. Лингвисты активно занимаются реанимацией селькупского языка, особенно северного (тазовского) диалекта, который в XVII—XVIII вв. в тазовском регионе в какой-то момент стал родным языком населения, складывавшегося на базе этнически разнородных элементов — селькупов, энцев, хантов и кетов (между которыми часто заключались смешанные браки), хотя в численном отношении селькупов было в этот период меньше, чем энцев.